

Призрак Оперы

Гастон Леру

Перевод
Веры Гордиенко

Москва
2025

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Л49

Леру, Гастон.

Л49 Призрак Оперы / Гастон Леру ; перевод с французского Веры Гордиенко. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Время для желаний).

ISBN 978-5-04-209160-5

Культовый приключенческий роман Гастона Леру открывает перед читателем блистательный мир парижской Гранд-оперá, с роскошными залами, гримёрными певич и мрачными подземельями. В подвалах обитает страшный Призрак, влюблённый в молодую певицу Кристину Даз. Кто он: злой гений, отверженный людьми из-за своего уродства, или исчадие ада?

Роман «Призрак Оперы» представлен в новом, современном переводе Веры Гордиенко, который передаёт не только inferнальный шарм произведения, но и динамичное действие, свойственное детективному расследованию.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Гордиенко В.С., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209160-5

Моему дорогому брату Жо,
который, ничем не напоминая Призрака,
поразительно похож на Эрика,
Ангела музыки.
С любовью,
Гастон Леру

Предисловие,

*в котором автор этого необычайного
произведения рассказывает читателю о том,
как он пришёл к убеждению, что Призрак Оперы
существует на самом деле*

Призрак Оперы действительно существовал. Он не был, как считали долгие годы, порождён фантазиями оперных певцов, суеверием режиссёров, разгорячёнными мечтами танцовщиц кордебалета, их матерей, билетёров, гардеробщиков и консьержек.

Да, он существовал, и во плоти, хотя и стремился казаться Призраком, иначе говоря, тенью.

Едва я начал просматривать архивы Национальной музыкальной академии, меня поразило удивительное совпадение явлений, которые приписывали Призраку, с загадочной, фантастической трагедией, и вскоре я пришёл к мысли, что между ними, возможно, есть связь. События, о которых идёт речь, произошли всего лишь тридцать лет назад, и в наши дни в Опере нетрудно отыскать

почтенных зрителей, чья честность не подлежит сомнению, и помнящих, словно это случилось вчера, все таинственные и трагические обстоятельства, сопровождавшие похищение Кристины Даз, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата графа Филиппа, тело которого было найдено на берегу озера, раскинувшегося под Оперой, со стороны улицы Скриб. Но до сих пор никто из свидетелей не верил, что к этим ужасным перипетиям имеет какое-то отношение легендарный Призрак Оперы.

Свет истины медленно заполнял мой разум, растревоженный расследованием, в котором я каждую минуту наталкивался на события, совершенно невероятные на первый взгляд. Не раз я был близок к тому, чтобы бросить дело, которое стало казаться изнурительной погоней за непостижимым. Наконец я получил доказательство того, что предчувствия меня не обманули, и был вознаграждён за все усилия в тот день, когда убедился, что Призрак Оперы был не просто тенью.

В тот день я провёл долгие часы за чтением «Мемуаров импресарио», легкомысленного произведения чересчур скептически настроенного Моншармена, который, хоть и служил в Опере, так ничего и не понял о Призраке и хохотал в тот самый миг, когда стал первой жертвой занятой финансовой аферы, названной впоследствии «Волшебный конверт».

Помню, как в унынии я вышел в тот вечер из библиотеки и вдруг увидел очаровательного администратора нашей Национальной академии. Он как раз беседовал на лестничной площадке с элегантным и обаятельным седовласым мсье, которому с радостью меня представил. Администратору было известно о моих изысканиях, и он знал, с каким нетерпением я пытался выяснить местонахождение судьи Фора, который расследовал знаменитое дело Шаньи. Никто не знал, что стало с судьёй, жив он или мёртв; и вот теперь, вернувшись из Канады, где он, оказывается, провёл пятнадцать лет, бывший судья решил занять почётное место в секретариате Парижской Оперы. Да-да, этот элегантный старик и был мсье Фор.

Мы провели вместе почти весь вечер, и он многое поведал мне о деле Шаньи, как он понимал его в прошлом. За неимением доказательств судье в своё время пришлось прийти к выводу, что виконт страдал душевным недугом, а старший брат его погиб случайно. Однако мсье Фор до сего дня пребывал в убеждении, что ужасная драма разыгралась между братьями из-за Кристины Даз. Что стало с Кристиной или с виконтом, он не знал. Выслушав мой рассказ о Призраке, старый судья лишь рассмеялся. Конечно, он тоже слышал о странных явлениях, которые, указывали на то, что в одном из самых таинственных уголков Парижской Оперы поселилось необычное существо, и слышал историю о «конверте». Но во всём этом

мсье Фор не увидел ничего достойного внимания магистрата, занимавшегося расследованием дела Шаньи, и едва прислушался к показаниям свидетеля, который уверенно заявил, что ему довелось встретиться с Призраком. Этим свидетелем был не кто иной, как хорошо известный всем парижанам и зрителям Оперы Перс. Судья принял его за сумасшедшего.

Полагаю, вы без труда представите себе, как заинтересовала меня история с Персом, я хотел найти, если ещё возможно, этого драгоценного и неповторимого свидетеля. Удача снова улыбнулась мне, и я застал таинственного мсье в тесной квартирке на улице Риволи, которую он не покидал и где ему предстояло проститься с жизнью спустя пять месяцев после моего визита.

Сначала я отнёсся к Персу с подозрением, но, когда он с детской искренностью рассказал мне всё, что знал о Призраке, и привёл доказательства его существования, а главное — показал странную переписку Кристины Даэ, пролившую ослепительно-яркий свет на её страшную судьбу, все мои сомнения рассеялись! О нет! Призрак не был мифом!

Разумеется, позже меня уверяли, что письма эти вряд ли подлинные и наверняка были подделаны тем, чьё воображение питалось самыми обольстительными сказками, но, к счастью, мне удалось найти образцы почерка Кристины, сравнить их, и все мои колебания испарились.

Я также разузнал всё что мог о Персе и решил, что он человек честный и не способен придумать заговор, чтобы сбить правосудие с пути.

Такого же мнения придерживались и весьма порядочные люди, знакомые с делом Шаньи, близкие и далёкие друзья семьи, которым я представил собранные документы и раскрыл мои выводы. Они горячо меня поддержали, и здесь я позволю себе процитировать несколько строк, адресованных мне генералом Д.:

«Многоуважаемый мсье,

Я настоятельно прошу вас опубликовать результаты вашего расследования. Прекрасно помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Даэ и трагедии, после которой всё предместье Сен-Жермен погрузилось в траур, в фойе танцевального зала постоянно рассуждали о Призраке. Перестали же о нём говорить лишь после того, как все умы захватили размышления о печальных событиях, однако теперь, выслушав вас, я понимаю, что в той трагедии, возможно, и в самом деле виновен Призрак. Так расскажите нам о нём снова. Каким бы загадочным ни казалось это странное событие, в вашей интерпретации оно выглядит куда правдоподобнее, чем мрачная история ссоры братьев, всю жизнь обожавших друг друга, которым злые языки пытались приписать смертельную вражду...

Примите мои... и прочее...»

Наконец, с доказательствами на руках я ещё раз исследовал обширные владения Призрака, величественное здание Оперы, которое он превратил в свою империю, и всё, что видели мои глаза, что обнаруживал мой разум, лишь подтверждало записи Перса. Наконец мои изыскания увенчались необыкновенной находкой.

Полагаю, вы помните, что недавно, когда в подвале Оперы копали землю, чтобы символически захоронить голоса певцов, записанные на фонографе, рабочие обнаружили человеческие останки. И я сразу же понял, что это истлевший труп Призрака Оперы! Я потребовал, чтобы сам управляющий коснулся этого доказательства рукой, и теперь мне безразличны рассуждения газет, что мы, мол, нашли жертву Парижской Коммуны.

Несчастные, убитые в подвалах Оперы во времена Коммуны, похоронены с другой стороны; я даже могу показать, где покоятся их тела, вдали от этого огромного склепа, где во время осады хранились запасы провизии. Я нашёл их кости, разыскивая останки Призрака Оперы, которых не обнаружил бы, если бы не редчайший случай захоронения живых голосов!

Однако мы ещё поговорим и об этом трупе, и о том, что с ним делать, а сейчас мне бы очень хотелось закончить весьма важное и нужное предисловие, выразив благодарность моим скромным помощникам: комиссару полиции мсье Мифруа, которого вызвали после исчезновения Кристины

Даэ, чтобы провести предварительное расследование, мсье Реми, бывшему секретарю, мсье Мерсье, бывшему администратору, мсье Габриэлю, бывшему дирижёру, и особенно мадам баронессе де Кастело-Барбезак, которая когда-то была «малышкой Мег» (чего ничуть не стесняется), самой очаровательной звездой нашего восхитительного кордебалета и старшей дочерью почтенной мадам Жири — покойной бывшей капельдинерши в ложе Призрака. Все они оказали мне неоценимую помощь, и благодаря им я смогу вместе с читателями снова пережить в мельчайших подробностях часы чистой любви и ужаса¹.

¹ Я был бы неблагодарным, если бы на пороге этой жуткой и правдивой истории не выразил свою признательность нынешнему руководству Оперы, которое столь любезно содействовало моим исследованиям, и в особенности мсье Мессажеру, а также чрезвычайно дружелюбному администратору мсье Габриону и доброжелательному архитектору, ответственному за сохранение здания. Он не колеблясь предоставил мне работы Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что я их ему не верну.

Наконец, мне остаётся публично признать щедрость моего друга и бывшего коллеги мсье Ж.-Л. Крозе, который позволил мне воспользоваться своей удивительной театральной библиотекой и одолжил мне уникальные издания, которые были ему очень дороги. — Г. Л.

❧ *Часть первая* ❧

ЭРИК

Глава I ЭТО ПРИЗРАК?

В тот вечер мсье Дебьенн и мсье Полиньи, отставные директора Оперы, давали последний гала-вечер в честь своего ухода. Внезапно в гримёрную мадемуазель Сорелли, одной из ведущих балерин театра, ворвались полдюжины юных дам из кордебалета, которые возвращались со сцены после заключительного танца из «Полиэкта». Они были в необычайном смятении, некоторые смеялись чрезмерно громко и неестественно, другие кричали от ужаса.

Ла Сорелли хотела побыть в одиночестве, чтобы ещё раз отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести позже в фойе мсье Дебьенну и мсье Полиньи, недовольно обернувшись к толпе ошеломлённых танцовщиц и поинтересовалась, отчего вдруг такой переполох. Ответила ей малютка Жамме, с прелестным точёным носиком, будто у восковых фигур в музее Гревена, с глазами как незабудки, щеками будто розы и лилейной шейкой, — девушка произнесла дрожащим голосом всего три слова, задыхаясь от страха:

— Призрак! Там Призрак!

И тут же заперла дверь на ключ. Гримёрная Сорелли была обставлена весьма элегантно, хоть и банально — большое напольное зеркало на ножках, диван, туалетный столик и вместительные платяные шкафы. На стенах висело несколько гравюр — сувениры, доставшиеся от матери, которая знавала славные дни старого оперного театра на улице Ле Пелетье. Были здесь и портреты Вестрис, Гарделя, Дюпона и Биготтини. Девушкам из кордебалета эта гримёрная казалась дворцом, ведь они жили в общих комнатах, где проводили время, напевая, споря, поколачивая парикмахеров и костюмеров и покупая себе маленькие стаканчики с черносмородиновым ликёром, пивом или даже ромом, пока режиссёр не призывал их звонком колокольчика на сцену.

Сорелли была очень суеверной. Услышав, как малютка Жамме поминает Призрака, балерина вздрогнула и воскликнула:

— Ах ты, маленькая глупышка!

Но поскольку она давно верила в Призраков вообще и в обитающих в Опере в частности, то сразу же пожелала узнать подробности.

— Вы его видели? — спросила она.

— Так же ясно, как видим вас! — ответила малышка Жамме, со стоном обессиленно опустившись на стул.

А малютка Жири — смуглая худышка с тёмными глазами и чёрными локонами — добавила:

— Какой же он урод!

— О да! — хором подтвердили танцовщицы и заговорили, перебивая друг друга.

Призрак явился им в образе джентльмена в чёрном костюме. Он внезапно возник перед ними в коридоре, непонятно откуда взявшись. Будто вырос из-под земли.

— Ну да! — сказала одна из девушек, более или менее сохранившая присутствие духа. — Просто некоторым везде мерещатся Призраки.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере только и разговоров было, что о Призраке в чёрном костюме, который бродил, будто тень, по всему зданию, ни с кем не разговаривал, и никто не смел заговорить с ним, и исчезал, едва его замечали, совершенно непонятным образом. Как и подобает настоящему Призраку, он двигался совершенно бесшумно. Сначала над рассказами о привидении в старомодном сюртуке, похожем на гробовщика, смеялись и шутили, но вскоре легенда о Призраке всецело подчинила себе умы танцовщиц. Каждая утверждала, что так или иначе встречалась с этим сверхъестественным существом и становилась жертвой его злых чар. И те, кто смеялся громче всех, сильнее всех тревожились. Если Призрак не появлялся, то объявлял о своём присутствии или уходе забавными или страшными событиями, вину за которые неизменно возлагали на него. Какие бы неприятности ни случались, играл ли кто злые шутки с девушками из кордебалета,

пропадали ли пуховки с рисовой пудрой — во всём винили Призрака, Призрака Оперы!

Но в самом деле, видел ли его кто-нибудь? В Парижской Опере и без Призрака довольно мужчин в чёрных фраках. Но этот выделялся одной особенностью: под его чёрным фраком скрывался скелет.

По крайней мере, так уверяли танцовщицы.

И, конечно же, вместо головы у него был череп.

Неужели всё это всерьёз? Впрочем, стоит признать, что первым скелет во фраке описал главный рабочий сцены Жозеф Бюке, который действительно его видел. Жозеф столкнулся с загадочной фигурой — можно было бы сказать «нос к носу», будь у Призрака нос — у перил маленькой лестницы, ведущей с ramпы прямоком в подвалы. Смотрел он на Призрака всего мгновение, поскольку тот буквально растаял в воздухе, но встреча навсегда осталась в памяти.

Вот что говорил о Призраке Жозеф Бюке всякому, кто соглашался его выслушать:

— Он невероятно худой — под чёрным фраком настоящий скелет. Глаза его посажены так глубоко, что едва их заметишь. Видны лишь две большие чёрные дыры, как глазницы на черепах мертвецов. Кожа туго обтягивает кости, будто на барабане, и она не белая, а безобразно-жёлтая. Нос так мал, что его почти не видно, и оттого зрелище просто ужасное. На лоб падают редкие тёмные пряди, такие же торчат за ушами.

Жозеф Бюке тщетно преследовал странное существо. Оно исчезло мгновенно, будто по волшебству, не оставив и следа.

Главный рабочий сцены был человеком серьёзным, опрятным, бурным воображением никогда не отличался и к тому же не пил. Его выслушали с удивлением и интересом, и многие тут же принялись рассказывать, как тоже видели в театре мужчину в чёрном фраке и с черепом вместо головы.

Люди здравомыслящие, услышав эту историю, сначала решили, что над Жозефом Бюке подшутил кто-то из подчинённых. Однако затем один за другим стали происходить случаи настолько курьёзные и необъяснимые, что даже самые хладнокровные забеспокоились.

Взять, к примеру, лейтенанта пожарной охраны — храбрец! Ничего не боится, особенно огня!

Так вот, лейтенант пожарной охраны, о котором идёт речь¹, отлучился как-то осмотреть подвалы и зашёл чуть дальше обычного. Внезапно он появился на сцене, бледный, испуганный, дрожащий с головы до ног, с выпученными глазами, и едва не лишился чувств, повиснув на руках у благородной матери малютки Жамме. И почему же? Потому что увидел, как прямо на него несётся огненная

¹ Этот очень достоверный анекдот я узнал от самого мсье Педро Гайяра, бывшего директора Оперы. (Прим. авт.)

голова — без тела! А это, напомним я вам, лейтенант пожарной охраны, которому неведом ужас перед пламенем.

Лейтенанта пожарной охраны театра звали Папен.

Кордебалет пришёл в ужас. Огненная голова совершенно не вязалась с описанием Призрака, которое дал Жозеф Бюке. Пожарного тщательно расспросили, потом снова опросили главного рабочего сцены, после чего дамы убедились, что у Призрака несколько голов, которые он меняет по своему усмотрению. Естественно, они тут же вообразили, что находятся в величайшей опасности. Если лейтенант пожарной команды без колебаний падал в обморок, то и солисты и ученицы-танцовщицы без труда придумали множество оправданий ужасу, который заставлял их бежать со всех ног, когда они проходили мимо какого-нибудь непонятного отверстия в плохо освещённом коридоре.

И ужас этот был столь велик, что сама Сорелли решила защитить великое здание, опутанное страшным колдовством. На следующий день после истории с пожарным Сорелли в сопровождении всего кордебалета и даже младших учениц балетных классов в трико явилась в вестибюль консьержа со стороны двора администрации и положила на стол подкову, которой должен был коснуться каждый входящий в Оперу, кроме зрителей. Тот, кто не коснётся подковы, прежде чем подняться